

И. Бубнова

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗА МИРА
И ИХ УЧЕТ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

Уже давно ни у кого не вызывает сомнений, что изучение иностранного языка – это, прежде всего, овладение иной культурой, поэтому результаты, полученные в ходе межъязыковых и межкультурных сопоставлений, особенно те, которые предпринимались и предпринимаются для оптимизации процессов овладения вторым языком, достаточно широко используются в практике преподавания.

Долгое время в основе практической деятельности по обучению иностранным языкам лежали данные, полученные методом сопоставительного / контрастивного анализа языковых систем. Однако при всех своих достоинствах этот метод не смог обеспечить достижение поставленной цели. Основная причина этого, как представляется, вполне очевидна: сопоставлялись системы языков, а реальные носители этих языков оставались вне сферы внимания. Поэтому вполне понятной была переориентация исследователей на изучение речевой деятельности личности, национально-культурной специфики языковой картины мира, на человека говорящего, на живой язык с целью изучения «культурного самосознания, или ментальности, как отдельного субъекта, так и сообщества в его полифонической цельности» [Телия 1999:15].

Как представляется, в наибольшей степени реализация данных целей возможна в рамках психолингвистики, изначально сфокусированной на личности, «бесконечно меняющемся человеке в бесконечно меняющемся мире» [Леонтьев 1990: 13], что, в свою очередь, и «позволяет подвести под многие, если не под все,

языковые явления единый теоретический фундамент» [Супрун 1996: 271].

Центральным, таким образом, оказывается понятие человека как совокупности индивидуально-психических характеристик и его субъективного образа мира – феномена сознания, замещающего внешнюю реальность и позволяющего личности ориентироваться и действовать во внешнем мире. Очевидно, что этот мир, явления, феномены, предметы в нем, которые мы выделяем, в нашем сознании означены, названы словом, иначе осознание окружающей нас реальности было бы невозможным. Таким образом, главным «строительным материалом», который мы используем для понимания мира и ориентации в нем, является слово.

Однако в данном случае это не просто слово, не просто его конвенциональное значение. В сознании каждого человека за общим для всех, говорящих на одном языке, словом, стоит его индивидуальный, субъективный смысл. И именно индивидуальное значение оказывается своеобразным фильтром, через который проходит любая информация, поступающая в сознание. Другими словами, прежде чем стать частью индивидуального образа мира, вся внешняя информация должна быть соотнесена со смыслом слова в индивидуальном лексиконе – системе субъективных значений слов, формирующихся в процессе индивидуальной деятельности, понимаемой максимально широко, как тот деятельный контекст, на фоне и в ходе активного взаимодействия с которым, в процессе переплетения «натурального» и «культурного» рядов развития человека, постепенно формируется личность [Выготский 1983; Ананьев 1968, 1977] (см. также понимание деятельности в работах С. Л. Рубинштейна [Рубинштейн 1997, 1998]). И именно уникальный в определенной степени деятельностный контекст каждого человека, опосредованный множеством факторов, не только культурных (о чем сейчас много говорят и пишут), но и сугубо индивидуальных, специфика которых обусловлена как условиями социализации, так и чисто психологическими особенно-

стями индивида, определяет уникальность личностных смыслов слов и строения индивидуального лексикона в целом.

Различия в субъективном значении слова закладываются с момента рождения человека. Безусловно, система сенсорных эталонов – ряда качеств, выделенных человечеством из всех доступных сторон восприятия действительности, – универсальна. Однако даже на этапе формирования протозначений, системы которых интенсивно развиваются в младенческом возрасте, следы переживаний от первых контактов младенца с окружающей его реальностью могут различаться. Значение любого явления, пока симпрактическое [Лурия 1998], т. е. еще не обозначенное словом, выстраивается в ходе активной деятельности, определяемой условиями, в которых происходит встреча с ним. Чуть позже формируются операциональные значения, а целый комплекс ассоциаций, возникающих и закрепляющихся в памяти человека в процессе такого субъективного опыта, обозначаемого в психологии как семантическое наполнение значения, становится его семантическим полем. Иначе говоря, в основе смыслового наполнения любого слова лежит эмоциональный опыт ребенка, полученный им в общении со взрослым, и его предметная деятельность.

Одновременно идет овладение этнически обусловленными системами эмоциональных эталонов – нормативных способов выражения отношения к разным явлениям и событиям, выражения понимания состояний другого человека, а также системами сценарных эталонов – нормативных образцов поведения в типичных жизненных ситуациях.

Важно подчеркнуть, что усвоение всех вышеназванных систем происходит через определенный язык, в определенной социальной среде, а осваивает их не усредненный биологический организм, а человек, для которого характерны какие-то индивидуально-психические особенности.

Именно эти предметные значения, эталоны и нормы, которые затем маркируются словом своего родного языка, накапливаясь и оформляясь в целостную систему, становятся единой культурной

основой индивидуального образа мира, замещающего реальность в сознании личности.

Таким образом, последовательность формирования различных типов значения – от протозначений до их категориальных форм – позволяет утверждать, что в субъективном значении каждого слова, отражающего какой-то фрагмент мира в индивидуальном сознании человека, представлены чувство, действие и ум, и каждый из этих компонентов играет свою роль.

Благодаря чувству, чувственным образам, мир, отраженный в сознании личности, тем не менее, не теряет своей объективности, реальности и сохраняет свою яркость. В значении любого слова уже у взрослого человека обнаруживаются чувственные образы самых разных модальностей, что совершенно отчетливо проявляется в АЭ, когда даже на абстрактные слова они могут дать реакции типа: *любовь – тепло, дружба – свет, предательство – черный*. И тем более закономерно, что эти образы проявляются в реакциях на конкретную лексику: *море – шумит, стол – круглый, письменный* и т. д.

Благодаря действию в индивидуальные чувственные образы сознания постоянно добавляются знания, как культурные и социальные, так и личностные, полученные в ходе своей собственной практической деятельности или анализа деятельности других. Причем предметность значения, как и его культурная составляющая, оставаясь скрытой, тем не менее, сохраняется в субъективном значении на протяжении всей жизни человека, а незнание функции и культурного содержания, тем более в межкультурном общении, отрицательно сказывается на коммуникации.

Эти ситуации хорошо знакомы преподавателям, работающим со студентами-иностранцами, особенно с представителями восточных культур. Так, улыбка китайского студента в ответ на сделанное ему замечание нередко ставит окружающих в тупик и может интерпретироваться ими как неискренность, высокомерие, равнодушие, закрытость и т.д. Однако те, кто знаком с культурной

моделью поведения китайцев, берущей начало в правиле «золотой середины» и отражающейся в главном для китайского лингвокультурного сообщества концепте *терпение*, понимают, что улыбка – это внешнее выражение умения держать под контролем свои чувства, не позволяя им возобладать над разумом. Как гласит китайская мудрость, настоящим человеком считается лишь тот, кто способен победить себя, кто мужественен и храбр, кто благороден, а, значит, хорошо воспитан и образован. Не менее важно для представителя китайской культуры уметь сохранить внутреннюю гармонию, которая достигается терпением в отношении себя и окружающего мира. Только такое поведение, основанное на терпении как уважении к миру и твердом следовании своей воле, по мнению китайцев, является залогом успехов, и эта культурная модель чаще всего лежит в основе их поведения и отражается в различных внешних вербальных и невербальных реакциях.

Все это сложное содержание концепта, соответствующего русскому *терпению, сдержанности, терпеливости*, отражено в китайском иероглифе, представленном в языке двумя частями: 刀 (нож) и 心 (сердце), которые и обуславливают культурную составляющую субъективного значения слова, приобретаемую в процесс жизнедеятельности. Безусловно, подобные явления достаточно часто встречаются и в русском языке, и они также требуют особого объяснения тем, кто только входит в мир русской культуры. Например, русское *на этот раз у тебя не вышло* или *как мне тебя жалко, бедный ты мой ребенок* абсолютно не соответствуют английскому *you failed, I'm sorry* или *You poor thing*. По-английски не скажешь *мамулечка*, и слезы *лить рекой* по-английски тоже невозможно. Все это очень явно ощущают натуральные билингвы, которые живут то в одной, то в другой стране, отмечая при этом, что им нужно время для того, чтобы адаптироваться и начать думать и вести себя иначе, хотя ситуации общения остаются типичными.

Не менее важным компонентом, определяющим содержание слова в индивидуальном сознании, оказывается ум или, другими

словами, интеллект, который определяется как способность к мышлению и анализу информации. Интеллектуальная деятельность отражается в двух основных аспектах. Во-первых, она проявляется в своеобразии ментальных репрезентаций всего того, что стоит за словом, в том, как организован ментальный образ предмета, ситуации, события у разных людей. Во-вторых, интеллект отвечает за контроль психической активности, за то, как осуществляется «оттормаживание» аффективных состояний в процессе интеллектуального отражения. Именно эти свойства интеллекта определяют когнитивный стиль личности, а через него содержание субъективного значения слова и, соответственно, субъективный образ ее мира.

Иначе говоря, интеллект – это особая форма организации индивидуального ментального опыта при помощи наличных ментальных структур, обеспечивающих восприятие, хранение, упорядочивание информации, контролирующих и корректирующих интеллектуальную деятельность и формирующих субъективные критерии выбора источника информации и форм ее переработки (см. об этом: [Холодная 2002]).

Проведенные нами многочисленные эксперименты показывают, что свойства интеллекта, уровень IQ, оказывается важнейшим фактором, определяющим иерархию компонентов субъективного значения слова, его ядерные элементы [Бубнова 2008]. Так, в субъективном значении слова у респондентов с низким психометрическим интеллектом в ходе структурирования информации на первый план выдвигаются конкретные, часто ситуативные признаки, через которые явление либо предмет представлены в сознании, например, *я – это лапочка, умница, красавица, голодная, сижу* и т. д. Безусловно, это репрезентация слова, его личностный смысл, однако такое субъективное значение является результатом не мышления, а восприятия, причем не выходящего за пределы каких-то конкретных ситуаций. Точно так же определяет себя маленький ребенок и высшие животные, которых обучили

человеческому языку глухонемых. В классических экспериментах Вольфганга Келера, проведенных им над шимпанзе еще в начале XX века, такой интеллект обозначается как «ручной», что соответствует определению Пиаже – сенсомоторный.

Средний уровень IQ (мышление в конкретных понятиях) дает такую картину: *я – дочь, мать, студент* и т. д. Здесь уже налицо дифференциация, обусловленная системой деятельностей, в которую включен человек, выделяются социальные роли, функции, однако само *я* еще остается автономным, не включается во всеобщие категории.

При высоком IQ и, соответственно, развитием понятийном мышлении происходит радикальная перестройка, т. е. интеллектуализация всех элементарных познавательных функций. Они синтезируются с функцией образования понятий: восприятие становится частью наглядного мышления, запоминание становится осмысленным логическим процессом, внимание – произвольным. Соответственно, место ядерных компонентов в субъективном значении занимают обобщенные по содержанию понятия, включенные в связи с другими понятиями, в нашем примере *я* становится, прежде всего, частью мира / природы.

Не будет преувеличением сказать, что описанные миры – это совершенно разные миры, качественно отличающееся представление реальности, стоящее за каждым субъективным значением слова в сознании индивида. Однако эти субъективные образы мира, определяемые личной историей каждого, выступают как системы, включающие в себя прошлое, настоящее и будущее человека как индивида, личности и индивидуальности (см. о понимании человека: [Ананьев 1968, 1977]), и как целостный психический образ регулируют и согласуют жизнь индивида с жизнью других.

И если задуматься обо всем этом, то общение можно представить как контакт разных миров, иногда близких (в том случае, если совпадает и культурный фон, и социальный, и деятельностный), а иногда совершенно не соприкасающихся друг с другом. В этом случае остается только удивляться тому, что мы вообще по-

нимаем друг друга. К счастью, понимание все-таки существует, и оно будет тем глубже, чем больше мы будем учитывать тот факт, что мы обучаем языку и вводим в мир иной культуры человека, который оценивает все то, что видит и слышит через призму своего образа мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев, Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
- Ананьев, Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 125968.
- Бубнова, И. А.* Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) / Дис. ... докт. филол. наук. М., 2008.
- Выготский, Л. С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3. М., 1983. С. 5–328.
- Леонтьев, А. А.* ЕССЕ НОМО («Вершинная» психология и перспективы исследования деятельности) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990. С. 5–14.
- Лурия, А. Р.* Язык и сознание. 2-е изд. М., 1998.
- Рубинштейн, С. Л.* Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997. – (Памятники психологической мысли).
- Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 1998. – (Мастера психологии).
- Супрун, А. Е.* Лекции по теории речевой деятельности. Мн., 1996.
- Телия, В. Н.* Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы II междунар. конф. В 3-х ч. Тамбов, 1999. Ч. 3. С.14–15.
- Холодная, М. А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. СПб., 2002.